

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ

Научная статья
УДК 340:004
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.54-62

Н. М. Ветчинин

«ЦИФРОВОЕ» ПРАВО: ОПЫТ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Цифровая трансформация общества обусловила возникновение качественно новых общественных отношений, регулирование которых не может быть в полном объеме обеспечено традиционными отраслями права. В ответ на данный вызов в правовом поле и законотворческой практике сформировался феномен, обозначаемый термином «цифровое право». В статье проводится анализ данного явления: возникновение и семантическая эволюция термина, определяется его место в структуре правовой науки, рассматриваются ключевые подходы ведущих государств, а также анализируется взаимодействие цифрового права с технологиями искусственного интеллекта и принципиальная возможность его нормативного применения. Сделан вывод о том, что цифровое право — это не отдельная, замкнутая отрасль права, а гибкая и постоянно меняющаяся система правил, которая объединяет нормы из разных областей. Чтобы эффективно работать, этой системе нужно дальше развивать теоретическую базу и учиться отвечать на новые технологические вызовы.

Ключевые слова: цифровое право, информационное право, правовая информатизация, искусственный интеллект, сравнительно-правовой анализ, правовое регулирование, алгоритмическое регулирование.

Ссылка для цитирования: Ветчинин Н. М. «Цифровое» право: опыт категориального анализа // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 54—62.

Original article

N. M. Vetchinin

«DIGITAL» LAW: EXPERIENCE OF CATEGORIAL ANALYSIS

Abstract. The digital transformation of society has led to the emergence of qualitatively new social relations, which cannot be fully regulated by traditional branches of law. In response to this challenge, a phenomenon known as “digital law” has emerged in the legal field and legislative practice. This article analyzes this phenomenon, including the emergence and semantic evolution of the term, its place in the structure of legal science, the key approaches of leading countries, and the interaction of digital law with artificial intelligence technologies and the potential for its normative application. It is concluded that digital law is not a separate, closed branch of law, but a flexible and constantly changing system of rules that combines norms from different fields. In order to work effectively, this system needs to further develop its theoretical base and learn to respond to new technological challenges.

Keywords: digital law, information law, legal informatization, artificial intelligence, comparative legal analysis, legal regulation, and algorithmic regulation.

Citation Link: Vetchinin N. M. (2026) «Digital» law: experience of categorial analysis, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 54—62.

© Ветчинин Н. М., 2026

• Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 54—62

Термин «цифровое право» не сформировался одномоментно. Его осмысление проходило несколько последовательных этапов, отражающих изменения в технологической и регулятивной сфере конца XX — начала XXI века

В период 1990-х — начала 2000-х годов, который совпал с массовым распространением Интернета и электроники, в обиходе преимущественно использовались понятия «киберправо» (*cyberlaw*), «информационное право» и «IT-право». Данные термины акцентировали внимание в основном на технических аспектах информационного обмена, безопасности сетей и регулировании деятельности субъектов интернет-пространства, не охватывая в полной мере трансформацию самих правовых институтов под влиянием цифровой среды.

Одно из наиболее ранних упоминаний термина «цифровое право» можно наблюдать в работе профессора Корнеллской школы права Питера У. Мартина. В его исследовании термин «digital law» употребляется не в современном значении (в соответствии с федеральным законом от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2026) — обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам)¹, а как обозначение права в цифровой среде, то есть правовой информации, создаваемой, хранимой и распространяемой с помощью цифровых технологий. Автор справедливо отмечает, что переход на цифровые носители вынуждает юридическое сообщество переосмыслить технологическую инфраструктуру правовой информации, которая ранее воспринималась как нечто само собой разумеющееся². Осуществляя историко-правовой анализ, Мартин пишет, что правовая информация никогда не была статичной: последовательные переходы от устной традиции к рукописным текстам, от печатных кодексов к электронным базам данных неизменно трансформировали как доступ к праву, так и механизмы его интерпретации.

На фоне стремительной информатизации общественных отношений часть исследователей выступает за формирование специализированного регулятора, в то время как другая часть настаивает на сохранении системной целостности права через применение традиционных юридических норм. Одним из наиболее методологически обоснованных аргументов в пользу второго подхода остается тезис, сформулированный судьей Седьмого окружного апелляционного суда США Фрэнком Истербруком в его статье «Law and Cyberspace».

Ф. Истербрук вводит аналогию «Права о лошадях», демонстрируя, что попытки объединить разрозненные правовые ситуации, связанные с одной специфической сферой, в отдельную отрасль неизбежно ведут к поверхностному анализу и утрате фундаментальных юридических принципов. Правовые отношения, возникающие в ходе разведения, торговли, лицензирования, ветеринарного обслуживания или организации скачек, охватываются нормами гражданского,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.05.2026).

² Мартин П. У. Цифровое право: некоторые размышления о будущем юридических информационных технологий [Электронный ресурс] / П. У. Мартин; Программа, спонсируемая Национальным центром исследований в области права. Май 1995. URL: <https://www.law.cornell.edu/papers/fut95fnl.htm> (дата обращения: 15.04.2026).

административного и налогового права. Выделение их в отдельную категорию не создает нового регулятивного инструмента, а лишь фрагментирует единое правовое поле и мешает увидеть единство подходов [Easterbrook, 1996].

В продолжении дискуссии следует обратить внимание на тезис Лоренса Лессига, сформулированный в работе «Code and Other Laws of Cyberspace»: «Код — это право». Данная работа показывает, что программная и аппаратная архитектура цифровых систем зачастую определяет поведение субъектов с большей эффективностью, чем формальные юридические нормы. Цель его статьи — провести анализ тезиса и сопоставить регулятивный потенциал права в физическом и цифровом пространствах, а также выявить ограничения традиционных подходов к защите приватности с обозначением системных вызовов, которые требуют переосмысления правовых норм в условиях информатизации, и пограничного характера цифровой среды [Lessig, 1999].

Концепция Лессига основана на наблюдении, согласно которому технические параметры цифровых систем (протоколы, интерфейсы, алгоритмы шифрования, настройки доступа) де-факто устанавливают границы допустимого поведения, в отличие от правовых норм, которые применяются уже после нарушения и требуют специальных процедур. Программный код создает такие технические условия, при которых определенные действия становятся невозможными на физическом или логическом уровне.

В реальной среде механизмы наблюдения и вмешательства, как правило, обладают видимым характером: системы видеонаблюдения, присутствие охраны или правоохранительных органов фиксируются субъектом, что позволяет использовать предусмотренные законом процедуры защиты. Правовые нормы о приватности и неприкосновенности частной жизни исторически опирались на модель очевидности присутствия, предполагающую возможность осознанного реагирования правообладателя.

В цифровой среде эта модель перестает работать. Данные собираются автоматически в фоновом режиме, сведения о действиях пользователей накапливаются без их прямого уведомления. В результате главным регулятором поведения становятся технические системы, тогда как законы обычно лишь реагируют постфактум или носят преимущественно формальный характер.

Таким образом, первоначально термин носил инструментально-технологический характер, фиксируя цифровизацию правовых источников и процедур. По мере усложнения цифровых общественных отношений, появления платформенной экономики, Big data и искусственного интеллекта «цифровое право» приобрело современное регулятивное значение, обозначающее комплекс норм, принципов и институтов, специально предназначенных для упорядочения отношений, возникающих в связи с созданием, использованием и распределением цифровых данных и алгоритмов [Васильев, 2019].

Развитие правового регулирования информационных процессов в отечественной юриспруденции отражает хронологию законодательных актов, и постепенную смену правовой модели. Право переходит от регулирования материальных объектов к осмыслению информации как самостоятельного основания взаимодействия в обществе, что требует пересмотра традиционных категорий — объекта, субъекта и механизма правового воздействия.

Отправной точкой этого процесса можно считать 1975 год, когда постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 558 «О мерах по дальнейшему

совершенствованию хозяйственного законодательства» заложило основы для создания автоматизированных справочно-правовых систем. В этот период формируется базовый понятийный аппарат. Вводятся такие термины, как «информационные отношения» и «правовая информатика», фиксирующие попытку осмыслить право в контексте обработки и передачи данных.

В 1990-е годы научная мысль переходит на качественно новый уровень. А. Б. Венгеров обосновывает информационную природу права и выделяет информационные отношения в качестве самостоятельного предмета правового регулирования [Широков, 2020]. В. А. Копылов издает первый учебник «Информационное право» (1997), а И. М. Рассолов вводит понятие «интернет-право». Параллельно возникает терминологический плюрализм: наряду с «информационным правом» используются формулировки «кибернетическое право» и «компьютерное право». На этом этапе право начинает воспринимать информацию не как побочный продукт коммуникации, а как самостоятельный объект регулирования, существующий независимо от материального носителя. Акцент смещается на вопросы доступа, распространения и защиты информационных ресурсов [Шабаева, Бушкова, 2025].

В период 2000–2010 годов происходит переход от теоретического осмысления к практическому законодательному оформлению. Развитие Интернета потребовало четких правовых рамок, что нашло отражение в принятии Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ и Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴. Первый закрепил правовые основы взаимодействия с информацией на всех этапах ее «жизненного цикла», второй обеспечил защиту фундаментальных прав личности в цифровой среде, прежде всего права на частную жизнь и личную тайну.

В 2010-е годы на фоне роста платформенной экономики, распространения Big data и облачных технологий в научной среде все чаще возникают дискуссии о статусе информационного права как самостоятельной отрасли [Авдеева, 2016]. Этот период характеризуется осознанием того, что алгоритмические системы начинают выступать первичными регуляторами поведения, тогда как формальное право часто выполняет компенсаторную или символическую функцию, реагируя уже после возникновения конфликтов.

В современном российском правовом поле информационное право определяется как одна из наиболее динамично развивающихся отраслей российского права, в основе которой — правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, а также связанных с ними отношений. Философски значимым здесь является признание его межотраслевого характера: оно не существует изолированно, а взаимодействует с конституционным, гражданским,

³ Гранд В. Е. Правовое регулирование распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: <https://na-journal.ru/1-2023-pravo-obshchestvo/4111-pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-informacii-v-informacionno-telekommunikacionnoi-seti-internet> (дата обращения: 25.04.2026).

⁴ Новая сетевая реальность. Польза и риски цифрового следа. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/24390587> ТАСС: информ. агентство России. (дата обращения: 20.04.2026).

уголовным и административным правом. Это отражает системную природу информационного бытия: информация не является техническим ресурсом, а выступает основой новых форм коммуникации, требующих переосмысления в условиях цифровизации.

Китайский опыт построения правовой системы в цифровую эпоху представляет собой пример последовательной, поэтапной стратегии. В основе подхода лежит сочетание поддержки технологического развития с четким государственным контролем. Уже в 1990-х годах Китай начал системную работу по информатизации государства и права, пройдя три логически связанных этапа [Шаосюе, 2024].

На первом этапе (1990—2015) технологии использовались преимущественно как инструмент для улучшения работы государственных органов. Основные усилия были направлены на перевод документооборота, судебных и административных процедур в электронную форму. Ключевая характеристика периода — инструментальный подход: право остается неизменным по содержанию, но меняет форму взаимодействия с гражданином (через сети и базы данных). Технологии служат для ускорения и упрощения существующих процессов, но не трансформируют саму природу правовых отношений.

Второй этап (2016—2020) ознаменовался переходом от простой цифровизации к внедрению элементов искусственного интеллекта (ИИ) и анализа данных. Появились сервисы «интернет-правительства», «умные суды» и «умные прокуратуры». На смену инструментальной роли пришла вспомогательная функция «умных технологий»: алгоритмы начали помогать в анализе судебных прецедентов, прогнозировании правовых рисков и автоматизации рутинных решений. Однако окончательное решение по-прежнему оставалось за человеком, а технологии выступали в роли ассистента, повышающего эффективность и точность.

Современный этап (2021 — настоящее время) характеризуется интеграцией права в более широкий контекст цифровой трансформации общества. Многочисленные достижения в области высокотехнологичных информационно-коммуникационных смарт-экосистем на электронно-цифровых платформах требуют незамедлительных усилий правоведов при создании нормативных правовых актов для их легального регулирования [Нестеров, 2020]. На данный момент правительство разработало и приняло законы в сфере искусственного интеллекта, а также достигло нового уровня в применении разработок. К 2030 году Китай, согласно плану, должен стать мировым центром в области искусственного интеллекта, развитие технологий считается важной внутривластной задачей [Конопий, 2021]. Приоритетами становятся развитие цифровой экономики, создание цифрового правительства и формирование цифрового общества. Право перестает быть лишь реактивным механизмом и начинает проектировать цифровую среду: закладываются стандарты взаимодействия, определяются границы допустимого в алгоритмических решениях, формируются новые субъекты ответственности.

Европейский Союз занимает одну из ведущих позиций в мире по разработке правил для цифровой среды. Его стратегия строится на двух основаниях: активное развитие цифровой инфраструктуры для юридических действий и создание надежных механизмов защиты прав граждан. Уникальность европейской модели заключается в многоуровневом подходе: решения принимаются как на

уровне отдельных стран, так и на наднациональном уровне ЕС. Это обеспечивает единство стандартов, но одновременно создает сложности в согласовании интересов разных участников [Кокорев, 2023].

Наиболее ярким воплощением европейского подхода стал Общий регламент по защите данных (GDPR), вступивший в силу в 2018 году. Гражданин получает возможность требовать удаления своих данных, а согласие на сбор данных должно быть явным, осознанным и легко отзываемым. Введение штрафов до 4 % от мирового оборота компании делают защиту данных не формальным требованием, а бизнес-приоритетом [Соколова, 2020].

Результатом действия GDPR стало изменение глобальной цифровой практики: всплывающие окна с запросом согласия на использование *cookies*, упрощенные настройки приватности, пересмотр политик данных — все это прямое следствие европейского регулирования.

Однако стремительное развитие технологий и, в частности искусственного интеллекта (ИИ), ставит перед правом задачи, на которые пока нет единых ответов. Взаимодействие правовых норм алгоритмов ИИ становится центральным вызовом для современной юридической науки. Один из ключевых вопросов касается того, может ли ИИ выступать носителем прав и обязанностей. Современные системы способны принимать решения без прямого вмешательства человека, создавать объекты интеллектуальной собственности и влиять на юридически значимые процессы — от кредитования до подбора персонала. Несмотря на это, правовой статус ИИ остается неопределенным. Ни в одной стране не достигнуто согласия о введении специального статуса (например, «электронной личности»). Неясен и механизм ответственности: если автономная система причиняет вред, кто должен отвечать — разработчик, владелец, пользователь или сама технология?⁵. Аналогичная неопределенность сохраняется в авторском праве: не установлено, кому принадлежат права на тексты, изображения или музыку, созданные нейросетями. Эти пробелы показывают, что традиционные категории права («субъект», «ответственность», «автор») не готовы к взаимодействию с «нечеловеческими» субъектами [Колкарева, 2025].

Взаимодействие права и ИИ особенно ярко проявляется в проблеме справедливости алгоритмических решений. Алгоритмы не обладают моральным сознанием и не «понимают», что действуют дискриминационно. Они лишь оптимизируют точность прогнозов, опираясь на скрытые закономерности в данных [Харитоновна, 2021]. Ярким примером стал внутренний проект Amazon по автоматическому отбору кандидатов (2014–2018). Система обучалась на десятилетних архивах резюме, где доминировали мужчины. В результате алгоритм начал снижать оценки за указание «женских» интересов или обучение в женских вузах. Попытки инженеров исправить модель не увенчались успехом: ИИ находил новые косвенные признаки предвзятости. Проект был закрыт, но его уроки изменили правовой подход. Сегодня появились инструменты аудита алгоритмов, сформировались корпоративные стандарты и общественный запрос на прозрач-

⁵ Этическое применение искусственного интеллекта / П. М. Готовцев, Р. В. Душкин, О. П. Кузнецов [и др.] // Этика цифровых технологий: аналитический доклад / Центр цифровой трансформации РАНХиГС. Разд. 3.3. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_3 (дата обращения: 01.05.2026).

ность⁶. Однако полная нейтральность невозможна, если исходные данные отражают историческое неравенство, сложные модели скрывают логику принятия решений, а коммерческие цели расходятся с этическими нормами.

Эти примеры показывают, что делегировать моральные и правовые решения исключительно машине нельзя. Искусственный интеллект не может быть «справедливым» сам по себе. Справедливым может быть только управляемый процесс, в котором разработчики, регуляторы и общество несут ответственность за влияние алгоритмов на жизнь людей. Цифровое право должно не просто реагировать на уже совершенные ошибки, а встраивать правовые и этические требования на этапе проектирования систем [Кравчук, 2021]. Это означает переход от контроля последствий к контролю архитектуры: требование прозрачности, возможность человеческого вмешательства, регулярный аудит на предмет предвзятости и четкое распределение ответственности между участниками цепочки создания ИИ [Васильев, 2020].

Термин «цифровое право» не возник внезапно, а сформировался постепенно, отражая глубинные изменения в технологиях, общественном укладе и самом понимании права. Его эволюция от «киберправа» и «информационного права» к современному концепту показывает переход от восприятия технологий как простого инструмента к осознанию их роли как самостоятельной регулятивной среды. Как демонстрируют теоретические дискуссии (Мартин, Истербрук, Лессиг) и сравнительный анализ правовых систем, цифровая реальность ставит перед юриспруденцией принципиально новый вызов: программный код и алгоритмическая архитектура де-факто определяют границы допустимого поведения раньше и эффективнее, чем формальные нормы, оставляя традиционному праву преимущественно восполняющую роль.

Опыт России, Китая и Европейского Союза подтверждает, что единой универсальной модели не существует. Российский подход прошел путь от технической цифровизации к осмыслению информации как основы коммуникации. Китайская модель демонстрирует поэтапную интеграцию технологий в государственное управление при сохранении жесткого контроля. Европейская стратегия делает ставку на защиту прав человека и создание глобальных стандартов. Несмотря на различия, все три направления сходятся в одном: цифровое право не может быть изолированной отраслью. Оно носит межотраслевой характер и требует переосмысления базовых категорий — от объекта регулирования до механизмов защиты приватности и ответственности платформ.

Главный вывод заключается в следующем: цифровизация как глобальный процесс в такой же мере амбивалентна, как и вступившая в свои права два века назад технизация. Она отвечает всем признакам глобальной проблемы современности, ибо ее решение зависит не только от коллективной деятельности всех стран мира, но фактически от каждого человека в отдельности [Смирнов, 2021]. Эффективность будущего правового регулирования зависит от способности права перейти от постфактумного реагирования к проектированию цифровой среды на этапе ее разработки. Это не означает отказ от традиционных правовых принципов, а требует их встраивания в технические стандарты, интерфейсы и алго-

⁶ Dastin J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women / J. Dastin // Reuters. 2018. 10 October. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G> (дата обращения: 01.05.2026).

ритмические решения. Только при таком подходе возможно сохранить баланс между технологическим прогрессом, безопасностью и фундаментальными правами личности в условиях, где код становится правом, а право должно оставаться инструментом защиты человеческого достоинства и свободы выбора.

Библиографический список / References

- Авдеева И. Л. Анализ зарубежного опыта использования глобальных технологий «Big Data» // Вестник евразийской науки. 2016. Т. 8, № 6 (37). С. 13.
(Avdeeva I. L. Analysis of foreign experience in using global Big Data technologies, *Bulletin of Eurasian Science*, 2016, vol. 8, no. 6 (37), pp. 13. — In Russ.)
- Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15—18.
(Vasiliev A. A., Ibragimov Zh. I., Nasyrov R. V., Vasev I. N. The term “digital law” in doctrine and legal texts, *Jurislinguistics*, 2019, no. 11, pp. 15—18. — In Russ.)
- Кокорев А. С., Машура С. В. Цифровая экономика ЕС: особенности формирования и перспективы развития // Культура и безопасность. 2023. № 2. С. 71—79.
(Kokorev A. S., Mashura S. V. Digital economy of the EU: features of formation and development prospects, *Culture and Security*, 2023, no. 2, pp. 71—79. — In Russ.)
- Колкарева И. Н., Гайдук А. Ю., Раевский К. Э. Искусственный интеллект и право: этические и юридические вызовы // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 96—99.
(Kolkareva I. N., Gaiduk A. Yu., Raevsky K. E. Artificial intelligence and law: ethical and legal challenges, *Agrarian and Land Law*, 2025, no. 3, pp. 96—99. — In Russ.)
- Конопий А. С. Цифровая трансформация государства и права Китая // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 72—77.
(Konopiya A. S. Digital transformation of the state and law of China, *North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 72—77. — In Russ.)
- Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2021. № 1. С. 115—122.
(Kravchuk N. V. Artificial intelligence as a judge: prospects and concerns, *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2021, no. 1, pp. 115—122. — In Russ.)
- Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 11—16.
(Nesterov A. V. On digital rights and objects of digital rights, *Law and Digital Economy*, 2020, no. 1 (07), pp. 11—16. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127—134.
(Smirnov G. S., Vetchinin N. M. Universal digitalization as a global problem: man and his digital consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 127—134. — In Russ.)
- Соколова М. Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2. С. 56—66.
(Sokolova M. E. First successes of the new European General Data Protection Regulation, *Modern Europe*, 2020, no. 2, pp. 56—66. — In Russ.)

- Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
(Vasiliev A. A. (ed.) *Transformation of Law in the Digital Age*, Barnaul, 2020, 432 p. — In Russ.)
- Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 53. С. 488—515.
(Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Bias in artificial intelligence algorithms: ethical and legal issues, *Perm University Bulletin. Series: Legal Sciences*, 2021, no. 53, pp. 488—515. — In Russ.)
- Цзя Шаоюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 528—545.
(Jia Shaoxue. Review of legislation and practice of the People's Republic of China in the field of development of modern digital law, *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal Sciences*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 528—545. — In Russ.)
- Шабаева О. А., Бушкова А. В. История развития правовых информационных систем в России // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2 (109). С. 32—37.
(Shabaeva O. A., Bushkova A. V. History of the development of legal information systems in Russia, *Siberian Law Bulletin*, 2025, no. 2 (109), pp. 32—37. — In Russ.)
- Широков О. А. К вопросу о становлении и развитии информационного права // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 14—15.
(Shirokov O. A. On the issue of the formation and development of information law, *Young Scientist*, 2020, no. 43 (333), pp. 14—15. — In Russ.)
- Easterbrook Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse, *University of Chicago Legal Forum*, 1996, pp. 207—216.
- Lessig L. *Code and Other Laws of Cyberspace*, N. Y.: Basic Books, 1999. 288 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Ветчинин Никита Михайлович — преподаватель кафедры философии, главный специалист научно-исследовательского управления, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nikitavetchinin@mail.ru

Vetchinin Nikita Mikhailovich — lecturer in the Philosophy Department, chief specialist of the Research Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nikitavetchinin@mail.ru